

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

К Л И Т Е М Н Е С Т Р А

Род Атрея носил проклятие. Страшнейшее, даже по меркам мучителей-богов. В истории этой семьи предостаточно было и зверских убийств, и прелюбодеяний, и чудовищного честолюбия, а людоедства — и вовсе сверх ожиданий. Все об этом знали, но когда Атриды, Агамемнон с Менелаем, прибыли в Спарту и предстали перед нами, двумя близнецовыми сестрами — а с тех пор целая жизнь прошла, — нелепые рассказы о младенцах, зажаренных и поданных родителям к столу, рассыпались в сверкающую на солнце пыль.

Два брата были в самом расцвете сил и не то чтобы красивые, но притягательны. Борода Менелая отливала рыжим, у Агамемнона же росла черная, как и густо кустившиеся на голове кудри. Перед моей сестрой стояли женихи и повиднее — стены огромного зала, где все они собрались, честное слово, едва ли не поскрипывали от натуги, не в силах вместить такое множество точеных скул, прекрасных плеч, выдающихся подбородков и сияющих глаз. Елене предлагалось выбирать из лучших мужей Греции, но смотрела она на одного лишь смущенного Менелая, а тот, неловко перенося с ноги на ногу груз могучего тела, тоже молча смотрел на нее во все глаза.

Дочь Зевса — вот что рассказывали о Елене. Это я ро-

дилась на свет самым обычным, презренным образом, с визгом и пунцовым личиком, а сестра моя якобы изящно выбралась из белоснежной скорлупы, вылупилась разом писаной красавицей. Сказание украшали причудливыми подробностями — всем было известно, что Зевс способен принимать разные обличья, и на сей раз он явился в белоснежных перьях, бесшумно подплыл к нашей матери, сидевшей у реки, с намерением самым очевидным.

Такой милостью от Зевса гордиться нужно. Вот что все говорили. Если сам правитель богов счел Леду, нашу мать, вполне привлекательной, то для семьи это великая честь. И нашему отцу вовсе не позорно растить плод сего союза.

О красоте Елены и впрямь ходили легенды.

И женихи десятками стекались во дворец. Отталкивая друг друга, кидались вперед, сиюсь разглядеть хоть мельком за трепещущим покрывалом лицо женщины, которая называлась красивейшей в мире. Постепенно их настроение менялось, нетерпение росло, и вот уже я заметила, что руки мужчин опускаются к бедрам, готовые схватиться за мечи. Заметила это и Елена и коротко повернулась ко мне — мы лишь тревожными взглядами перекинулись.

Стражники, стоявшие вдоль стен, выпрямились и крепче сжали копья. А я гадала, как скоро бурлящая гуща толпы может выплеснуться на нас и сколько времени охране понадобится, чтобы пробиться сквозь сутолоку.

Наш отец Тиндарей заламывал руки. Этот знаменательный день сулил ему столь многое — кладовые уже переполнились богатыми дарами, коими каждый жених хотел подкрепить выбор в свою пользу. Я видела, как вожделенны для отца и добыча, и положение, приобретенные сегодня. Беспечный, он во всем положился на наших крепких братьев — они всегда нас защищали, защитят и теперь, а я вот сомневалась, что даже с их мастерством можно устоять против целой армии мужчин, явившихся завоевывать Елену.

Я глянула на Пенелопу. Сероокая и молчаливая двоюродная сестра всегда сохраняла хладнокровие — здесь на нее можно было положиться. Но Пенелопа до того увлеклась Одиссеем, что на мой отчаянный взгляд не ответила. Эти двое неотрывно смотрели друг на друга, будто гуляли наедине по благоухающим лугам, а не попались в ловушку, оказавшись в одном зале с сотней забияк, готовых вот-вот вспыхнуть от одной только искры.

Я закатила глаза. Одиссей якобы тоже, как и все, пришел свататься к Елене, но, разумеется, всякий его поступок был лишь прикрытием для чего-то другого. Вот где твое знаменитое хитроумие нам, пожалуй, и пригодилось бы, думала я, досадуя на Одиссея, так невовремя предавшегося любовным грезам.

Но я ошиблась — моя сестра и ее возлюбленный вовсе не переглядывались мечтательно, а молча замыслили кое-что, и вот уже Одиссей, вскочив на помост, где сидели мы все, громко призывал к порядку. Хоть был он невысокого роста и кривоног, однако вид имел внушительный, и голоса сразу смолкли.

— Прежде чем госпожа Елена сделает выбор, — пророкотал он, — мы все дадим клятву.

Его слушали. Одиссей владел даром подчинять чужую волю собственному замыслу. Он даже мою мудрую двоюродную сестрицу очаровал, а я-то думала, что ни один мужчина с ней умом не сравнится.

— Мы все явились сюда нынче с одной целью, — продолжил Одиссей. — Все хотим взять в жены прекрасную Елену, и каждый вправе считать себя достойным такой супруги. Эта женщина — драгоценность превыше любой вообразимой, и мужчине, который назовет ее своей, придется защищаться изо всех сил, ведь Елену непременно захотят отнять.

Каждый представлял себя на этом месте, я видела. Каждый воображал, что именно ему она достанется, а Одиссеем мечту

испортил. И теперь они зачарованно взирали на него, ожидая, какое же решение предъявленной головоломки он огласит.

— Посему предлагаю всем нам дать обет: кого бы Елена ни предпочла, мы будем защищать ее вместе с ним. Принесем торжественную клятву отстоять, пусть и ценой своей жизни, право избранника Елены владеть ею — теперь и впредь.

Тиндарей вскочил вне себя от радости, ведь Одиссей предотвратил беду, которой день отцовского триумфа грозил обернуться почти наверняка.

— Я принесу в жертву своего лучшего коня! — объявил он. — И все вы поклянетесь перед богами на его крови.

Так и сделали, и наш отец в тот день лишился одного только коня. Точнее, коня и дочери да вдобавок племянницы, так что сделка получилась очень даже выгодная. Тиндарей был избавлен ото всех одним махом, ведь стоило Елене сказать еле слышно: “Менелай”, как тот взошел на помост, сжал ее руку в своей, забормотал о благодарности и преданности, а уже в следующий миг Одиссей сделал предложение Пенелопе; меня, однако, привлек темноволосый брат Менелая, хмуро и неотрывно глядевший в пол, на каменные плиты. Агамемнон.

— Почему ты Менелая выбрала? — спросила я позже у Елены.

Вокруг сестры суетились служанки — расправляли складки ее платья, сплетали ее волосы в затейливые завитки, делали сотню разных мелочей, чтобы ее украсить, совершенно излишних.

Елена ответила не сразу, задумалась. Все вечно восхваляли лишь ее ослепительное великолепие, иные даже в поэмах и песнях. Никто не поминал ни вдумчивость ее, ни доброту. Не стану отрицать, что я, взрослея рядом с сестрой, вечно ввергавшей меня в тень своим блеском, ощущала иной раз уколы холодной, ядовитой зависти, восстававшей в груди.

Но жестокой ко мне Елена никогда не была, меня не мучила. Красотой своей не хвастала, не насмеялась над сестрой, неспособной сравниться с ней самой. Люди глазели на нее, сворачивая шеи, и помешать им Елена не могла, как не могла обратить вспять морские течения. Я примирилась с этим, да и не хотела бы, по правде говоря, жить под бременем ее прославленной прелести.

— Менелай... — проговорила Елена задумчиво, медля на каждом слого.

Пожала плечами, накрутила на палец прядь волос, явно раздосадовав одну из служанок, ведь от небрежного прикосновения Елены гладкий завиток напряжился, заблестел, а девушке, как та ни хлопотала, не удавалось добиться ничего подобного.

— Наверное, были там и побогаче, и покрасивее. И уж наверняка посмелее. — Она чуть скривила рот, вспомнив, может, как женихи мерили друг друга взглядами и воздух незримо вибрировал от подспудного ожесточения. — Но Менелай мне показался... не таким, как все.

Богатства Елену не заботили, Спарта была и без того зажиточна. Красота не заботила тоже — ее собственной хватило бы на двоих в любом союзе. Всякий жаждал стать ее мужем — в этом мы убедились. Так чего же искала моя сестра? Мне стало любопытно. Как она поняла? Какая волшебная искра вспыхнула между ними? Как женщина узнаёт наверняка, что именно этот мужчина и есть тот самый? Я выпрямилась: сейчас Елена меня просветит.

— Просто... — выдохнула она и взяла из рук служанки зеркальце с ручкой из слоновой кости, на обороте затейливо украшенное резной фигуркой Афродиты, выступающей из огромной раковины. Глянула мельком на свое отражение, откинула волосы назад, поправила золотой венец, уложенный поверх кудрей. Собравшиеся кучкой служанки тихонько вздохнули: оценит ли Елена их ненужные старания?

— Просто, — продолжила она, вознаградив девушек улыбкой, — мне показалось, что он будет так благодарен.

Я растерянно молчала, а долгожданные слова уже таяли в воздухе.

Не услышав ответа и, может быть, уловив в моем молчании легкую укоризну, Елена расправила плечи и посмотрела на меня в упор.

— Нашу мать, как тебе известно, выбрал сам Зевс, — сказала она. — С вершины Олимпа заметил эту смертную, так она была прекрасна. И если бы отец наш не отличался тихим и смиренным нравом... кто знает, как бы он себя чувствовал? Если бы, скажем, больше походил на Агамемнона, чем на Менелая.

Я застыла. О чем это она?

— Такой мужчина вряд ли безропотно снесет обиду, — продолжила Елена. — Сочтет он за честь, если выберут его жену, или совсем наоборот? Не знаю, какая судьба меня ждет, но точно знаю: не просто так я на свет родилась. Неизвестно, что уготовили мне мойры, но, похоже, при выборе следует проявить... — она подыскивала верные слова, — благоразумие и осторожность.

Я вспомнила Менелая: с каким обожанием смотрел он на Елену! И задумалась, права ли она, способен ли он в случае чего рассуждать, как наш отец. Настоящую ли победу одержал сегодня здесь, во дворце, и что может дальше произойти?

— К тому же с ним я смогу остаться в Спарте, — добавила она.

Вот за это я и впрямь была признательна.

— Так все решено? Вы остаетесь жить здесь?

— Менелай поможет отцу править Спартой. А наш отец взамен поможет ему.

— Чем это?

— А что тебе известно о Менелее и Агамемноне? О Микенах?

Я покачала головой.

— Я слышала об их семье. Те же рассказы, что и ты. О проклятых предках, об отцах, убивавших родных сыновей, о братьях, враждовавших друг с другом. Но все это в прошлом, так ведь?

— Не совсем.

Взмахом руки Елена отослала служанок и доверительно склонилась ко мне. Я взволновалась.

— Сюда они прибыли из Калидона, как ты знаешь.

Я кивнула.

— Только родина их не там. Они живут у калидонского царя. Он дал братьям приют, но не может дать того, что им и в самом деле нужно, а наш отец может.

— И что же это?

Довольная Елена улыбнулась: сейчас сообщит мне нечто будоражащее.

— Войско.

— Правда? И для чего?

— Чтобы отвоевать Микены. — Елена тряхнула головой. — Забрать свое. Дядя Менелая и Агамемнона убил их отца, а их самих, детьми еще, изгнал. Теперь они выросли и заручились поддержкой Спарты.

Об этом я знала. Менелай с Агамемнон были сыновьями Атрея, убитого в борьбе за трон родным братом Фиестом, который после выгнал племянников из Микен. Но оказался не совсем бессердечным, как видно: детской кровью рук не обагрил. Ведь за такое преступление боги и прокляли этот род в прошлых поколениях, а совершил его Тантал.

Может, и неудивительно, что Менелай заинтересовал Елену, подумалось мне. Мы слышали старинную легенду об этой семье — жуткое предание, леденившее кровь, но такое, казалось, далекое от действительности. И вот оно приблизилось: два брата искали справедливости, намереваясь одним решающим деянием исцелить раны истерзанной семьи.

— Но разве после этого Менелай не захочет остаться в Микенах?

— Нет, Микены достанутся Агамемнону. А Менелаю нравится здесь.

То есть Менелаю в награду достанется Елена, а Агамемнону — город. Наверняка оба согласились, что сделка честная.

— Непонятно только, как они поступят с мальчишкой.

— С каким мальчишкой?

— С Эгисфом. Это сын Фиеста, подросток еще — тех же лет, что были Менелай с Агамемноном, когда Фиест убил их отца.

— Наверное, тоже изгонят его?

Елена вскинула бровь.

— Чтобы он вырос, как и они? Взлежав те же мечты? Агамемнон не станет так рисковать.

Я содрогнулась.

— Но ведь и ребенка убивать не станет, правда?

Логику такого зверства я могла понять, но вообразить, как тот молодой мужчина, примеченный мною среди женихов, вонзает меч в плачущее дитя — нет.

— Может, и нет. — Елена поднялась, расправила платье. — Но хватит о войне. У меня как-никак сегодня свадьба.

С празднества я ускользнула пораньше. Знала, что гости до утра не разойдутся, не один час еще будут есть и пить, но сама устала и чувствовала необъяснимое опустошение. Уворачиваться от пьянеющих спартанских аристократов — обыкновенно суровых и грозных военачальников, у которых от вина краснели лица, развязывался язык, а неловкие руки, становясь осьминожьими щупальцами, лезли всюду, — вовсе не хотелось. Их прямо раздувало от самодовольства: такой союз заключен, и все влиятельные мужи Греции поклялись защищать Менелаев трофей. Узы верности связали их со Спартой.